

ФИЛОСОФИЯ

УДК 316.3

Т. И. Грицкевич

РЕФОРМАТОРСТВО И СОЦИОГЕНЕЗ ЧЕЛОВЕКА

Трагедия социального субъекта заключается не в том, что он вынужден осуществлять деятельность (в рамках его социальной бытийственности она позитивна), а в том, что её отчужденную и гипертрофированную социальную форму он чаще всего культивирует в качестве чуть ли не единственного способа воспроизводства своей многомерной экзистенции.

Ю. М. Федоров

В субъектно-центристской концепции миропонимания Ю. М. Федорова рассматривается ряд филогенетических стадий становления Человека, где социогенез является производным от космогенеза и антропогенеза. Космогенез Человека положил начало его предыстории, история человечества начинается свой отсчет от «начальной точки» антропогенеза, и история общества восходит уже к истокам социогенеза. «Но это уже не история Феноменального Человека, и не история человека общественно-го, а история социального универсума, так как человек здесь – всего лишь средство его стремительного восхождения» [8, с. 215].

Ю. М. Федоров считает, что если и можно говорить всерьез об истории нецелостного, частично-го человека, именуемого «социальный субъект», то лишь имея в виду, что по своему содержанию она есть не что иное, как процесс его перманентного социального самоотчуждения и онтологического вытеснения [8, с. 216]. Ведь диалектико-материалистическая концепция истории представила её как процесс эволюции средств производства, и человек вписан в историю как производительная сила. Представления о социализации утвердили в человеческом самосознании идеологему о первичности социогенеза в исторической эволюции Человека. Однако Ю. М. Федоров справедливо указывает, что все формы генезиса берут свое начало в человеческой предыстории. Каждый раз в расширяющемся мироздании возникает такая онтологическая ситуация, когда еще не завершился один вид человеческого генезиса, а его по темпам развития уже начинает об-

гонять другой вид генезиса. Социальный универсум является промежуточной универсальной целостностью, заключенной между человеческим и природным универсумами. Общественное бытие человека выступает уже не суверенным способом его существования, а всего лишь социально-статусной формой его присутствия при жизнедеятельности общества. Иерархия социальных форм человеческих присутствий образует целостный каркас функционирования общества нормативами внешнего должностования. Именно нормы как элементы социальной технологии дробят человеческую феноменальность и уникальность на социальные роли и объективированные социальные позиции [8, с. 220]. В итоге объективированная форма владения своими собственными отчужденными субъективациями обуславливает перманентное вырождение социального субъекта в рядовую социальную функцию, способную к замещению на чисто технологическую функцию. Определяя место социогенеза Человека в человеческой истории и выделяя его социальные сущностные силы, Ю. М. Федоров считает, что «если когда-нибудь получит свое развитие гуманистически ориентированная социальная антропология, то «независимым историкам» (независимым, естественно, от социальной идеологии), может быть, удастся вскрыть истинную роль социального прогресса в деантропологизации, расчеловечивании Человека» [8, с. 216].

Неужели в постижении сущности социализированной деятельности Человека в процессе со-

циогенеза нет оптимистических вариантов прорыва из мира Человека как социального субъекта в мир единства космо-антропо-социального и природного?

Поскольку определяющим фактором социальной формы человеческой экзистенции становится не креация и не общение, а деятельность [8, с. 230], то необходим поиск такой, которая могла бы соединять в себе первые указанные доминирующие факторы человеческой экзистенции. Ю. М. Федоров подразделяет в онтологическом плане деятельность на явную – социальную и неявную – антропную (актуализированную) и астральную (трансцендентную деятельность) [8, с. 230]. В анализе категории социальная деятельность – достаточно богатый социально-философский опыт. В марксизме категория «деятельность» выступает фундаментальной парадигмой, определяющей сущность тенденций общественного развития. Федоров указывает на то, что категория деятельности становится гиперпарадигмой в социологии и мировоззрении советских ученых [8, с. 232]. Понятие деятельности выводили из понятия активности. Э. С. Маркарян определяет деятельность как «направленную активность живых систем, возникающую на основе их отношения к окружающей среде с целью самоподдержания» [6, с. 24]. Человеческая деятельность, как указывает М. С. Каган, может быть определена «как активность субъекта, направленная на объекты или на других субъектов, а сам человек должен рассматриваться как субъект деятельности» [5, с. 43].

Отсюда становится возможным вычленение трех основных элементов деятельности: субъект, наделенный активностью и направляющий её на объекты и другие субъекты; объект, на который направлена активность субъекта; сама активность, выражающаяся в том или ином способе овладения объектом субъектом или в установлении субъектом коммуникативного взаимодействия с другими. Все три элемента выступают реально во множестве различных форм.

В роли субъекта деятельности могут выступать конкретный индивид, та или иная социальная группа, общество в целом. Субъекты вычленены лишь в абстракции, в реальности же активность индивида вплетена в активность социальных групп, нации, деятельность которых связана с интегральной деятельностью общества.

Объекты деятельности так же различны. Объектом может быть природный предмет, тот или иной социальный институт, экономические и социально-политические отношения людей, сам человек. Объектом деятельности может быть и сам субъект, если он направляет активность на собственное «я».

Активность – это сама энергия субъекта, направленная на объекты или на другие субъекты. Активность проявляется в различных формах, в зависимости от детерминирующих деятельность факторов.

Субъектно-объектные отношения – это глупый онтологический механизм, придающий социальной деятельности характер процессуальной целостности и синтезирующий нецелостные субъективации в гиперсубъективацию – Общество [8, с. 237]. Периодически возникающие флуктуации в субъектно-субъектных отношениях и «выбросы» социальной энергии в виде войн, революций, реформационных сдвигов и трансформационных процессов во всеобщее онтологическое пространство человека, по мнению Ю. М. Федорова, есть внутренний источник как развития общества, так и самоотчуждения человека. Можно ли среди видов деятельности выделить такую, которая, порождая флуктуацию в социальных процессах, будет позитивной и гуманистически ориентированной? Возможна ли такая социальная деятельность, которая бы сочетала в себе креацию, формы общения, гуманизм и, по сути, направленность против форм негативного отчуждения человека и разрешения экзистенциальных противоречий? [9, с. 31]. Полагаем, что возможна.

Вполне реально выделить такую деятельность среди многообразия видов социальной деятельности человека. Каково бы ни было наше отношение к реформаторской деятельности в связи с негативными последствиями осуществляемой политики реформ в современной России, реформаторская деятельность является прорывом, источником развития общества на диалоговой толерантной и гуманной основе. Изучая проблему реформаторства как творчества личности в социуме, мы считаем, что реформаторство – это особый вид преобразовательной деятельности субъекта, направленный на создание нового системного объекта в социуме (экономике, политике, социальной и духовной сферах) с целью удовлетворения основных потребностей, преодоления различных форм негативного отчуждения и разрешения основных противоречий в социальных отношениях личности, социального слоя, класса. Элементами реформаторской деятельности являются: субъект – деятель, осуществивший реформу; объект – социум в целом и отдельные его сферы, институты, отношения; цель деятельности – разрешение противоречий общественно-исторической практики, жизнедеятельности человека и преодоление негативных форм его отчуждения в социуме; возможность реализации цели – прямой или опосредованный доступ к власти; вид деятельности – преобразовательная духовно-практическая и духовно-теоретическая; тип – реформационная, как созидательная, так и разрушительная; механизм осуществления – технологии воздействия личности на социальный объект (в политике, экономике, социальной, духовной и правовой сфере); средство реализации – реформа; направленность реформационного процесса – нелинейное, мыслимое прогрессивным, движение к достижению поставленных целей.

Такой постановке анализа характера реформаторской деятельности личности в обществе способствовало понимание социальной деятельности

классиками социальной философии. К. Маркс при анализе материальной трудовой деятельности человека выделил в духовной деятельности деятельность духовно-теоретическую и духовно-практическую [7, с. 189]. Отличие материальной, практической деятельности от духовной, в том числе практически-духовной, состоит в том, что практика не просто материально (предметно или социально) преобразует мир, а делает это в соответствии с определенными, заранее поставленными целями. Совпадение целей и результата, заданных идеально, с результатом, полученным реально, определяет меру эффективности практики. Практически-духовная деятельность осуществляется в поле целого набора целей и ценностей, с движущей силой в виде интереса и предполагает результат не в виде достижения цели, а в виде сложной преобразующей системы целей и ценностей.

Само по себе разделение способов освоения деятельности на духовно-теоретическую и практически-духовную имеет заметное сходство с кантовским различием теоретического и практического разума. Духовно-теоретическое относится к той сфере духовной деятельности, где мир осваивается в понятиях. Теория не обязательно есть духовно-теоретический способ освоения мира – освоение в форме теории, в том числе и научной. Таким образом, духовно-практическая деятельность не отражает до конца всего многообразия содержания субъектно-объектной активности человека в обществе.

В зависимости от целей, которые преследует субъект, выделяются различные виды деятельности. М. С. Каган выделяет следующие виды: преобразовательную, познавательную, ценностно-ориентационную, коммуникативную [5, с. 53–90]. Особый интерес в контексте поставленной проблемы представляет выделенный М. С. Каганом преобразовательный вид деятельности, критикуемый марксистскими исследователями деятельности за то, что преобразование – это атрибут любой деятельности. М. С. Каган считает, что в зависимости от характера объекта преобразовательная деятельность может быть:

во-первых, преобразованием природы, то есть трудом (в том смысле, в котором его употреблял К. Маркс);

во-вторых, преобразованием общества, которое выступает и в революционно-разрушительной форме, и в созидательной, социально-организационной, но в обоих случаях выражается в изменении социальных объектов – отношений, институтов, учреждений;

в-третьих, преобразованием человека, взятого в его физическом и духовном бытии [5, с. 55].

Основными типами преобразовательной деятельности М. С. Каган считает: деятельность, имеющую индивидуальный характер; деятельность, осуществляемую той или иной социальной группой; деятельность общества в целом. Преобразовательная деятельность, обусловленная различиями в самом характере активности субъекта, может осуществляться реально и идеально. В пер-

вом случае деятельность выступает как практика (практически-духовное К. Маркса), во втором случае выступает как идеальное, чисто духовное (духовно-теоретическое К. Маркса) [5, с. 56].

Но Каган не ограничивается этим. Он выделяет еще одну плоскость дифференциации преобразовательной деятельности – различие между деятельностью творческой и механической, продуктивной и репродуктивной. Он пишет, что «необходимость такого раздвоения относится к сфере производства, и объясняется потребностью в постоянном создании новых предметов, более совершенных, чем старые, или связанных с новыми нуждами общества» [5, с. 58].

Однако нельзя ограничивать использование преобразовательной деятельности только производственной сферой. Преобразования охватывают не только экономическую сферу, но и политическую, социальную, культуру как часть духовной сферы общества. В этом смысле раздвоение преобразовательной деятельности на творческую и механическую, продуктивную и репродуктивную относится и к указанным выше сферам. Можно утверждать, что характеристика М. С. Каганом преобразовательного вида деятельности вполне достаточна для выделения его в качестве родового понятия, определяющего характер такого вида преобразовательной деятельности, как реформаторство. Более того, критерий осуществления той или иной социальной группой или личностью преобразовательной деятельности полноценно отражает характеристику субъекта реформаторской деятельности.

Но что же вызывает преобразовательную активность субъекта в социальных сферах? Детерминация общественной практикой деятельности личности или личностное самовыражение? Н. А. Бердяев в работе «Смысл истории» критикует однозначное материалистическое понимание исторического процесса. С одной стороны, он утверждает, что для марксизма все идеологические построения являются отражением известных существующих производственных отношений, но другой – исторический материализм провозглашает его создателем и последователями в качестве учения, значительно превосходящую другие теоретические концепции. С точки зрения Бердяева, нельзя игнорировать ни одну составляющую общественной жизни и в то же время останавливаться на каких-либо её частных проявлениях. Экономические отношения – лишь фрагмент исторической целостности, как постижение развития общества и человека в нем предполагает охват человека во всей его конкретности и многоплановости. Общественные процессы имеют свою духовную основу, некий идеальный базис. История оказывается особой реальностью, и ее главная черта состоит в осуществлении отношений человека и Божества. «Если бы действовало только одно начало, одно начало природной необходимости или только одно начало Божественной необходимости, или только одно человеческое начало, не

было бы драмы истории, не было бы той разыгрываемой трагедии, которая, поистине, есть глубочайшее столкновение и борьба Божества и человека на основе свободы» [4, с. 29]. Бердяев убежден, что свободный дух противоположен любой необходимости. «Мир» обнаруживает свою несамостоятельность, он оказывается порождением нашего греха, рабства и несвободы. Мир теряет свое абсолютное значение для духа и поэтому должен быть разрушен, преодолен. Освобождение от власти неистинного мира представляет для Бердяева творческий акт. В нем человек проявляет себя. Смысл мира отрывается лишь в творческом акте.

Творчество, с его точки зрения, не может пониматься как переход из одного состояния в другое, так как в подобном случае творческая причина должна была бы убывать в творения. Бытие способно видоизменяться, но оно не обладает творческим началом. Только божественная природа в состоянии создавать новое из ничего. И если человек – образ и подобие Божества, то ему так же присуща способность созидать. Творение, осуществленное Богом, продолжается в деятельности человека. «Творческий акт предполагает моноплюрализм, т. е. допущение множества свободных и самостоятельных существ наряду с Существом Божиим» [3, с. 359]. Конечно, активность человека ограничена, поскольку люди не обладают абсолютной мощью, в отличие от Бога. Начало бытия у Бердяева имеет личный и самобытно-субстанциональный характер. Поскольку личность не выводима ни из чего, то она обладает поэтому положительной творческой силой. «Творчество только и возможно из бездонной свободы, ибо лишь из бездонной свободы возможно создание нового, небывшего» [3, с. 117]. Свобода не детерминирована Творцом, следовательно, зло происходит не от Бога, оно является продуктом человеческой свободы. Корень зла заключается в объективации результатов творчества. «Все продукты творчества не соответствуют творческим замыслам и не удовлетворяют. В этом горечь творчества» [3, с. 79].

Каждое я свободно, пока оно не объективировано. Однако главный парадокс состоит в том, что, с одной стороны, оно существует лишь до тех пор, пока не объективируется, не социализируется в бытии, тогда как, с другой стороны, я может существовать постольку, поскольку трансцендирует себя во вне. Противоречивость существования я порождает одиночество и попытки его преодолеть. «Я жаждет, чтобы какие-либо другие я в мире, какой-либо друг его принял, утвердил, увидел в красоте, услышал, отразил» [1, с. 269]. Центральная идея Бердяева заключалась в оправдании человека в творчестве и через творчество. Только в этом случае возможно «общество, где за каждой человеческой личностью была бы признана абсолютная ценность, ... тогда как социальная организация обеспечивала бы каждому возможность полноты жизни» [2, с. 27].

Оправдание человеческой жизни через творчество как идеал, обоснование смысла социального предназначения человека. Но свобода творчества в социуме не может возникать спонтанно как активность самовыражения и оправдания человеком самого себя. С точки зрения творческой роли духовной деятельности в социальном развитии, её делят на репродуктивную, направленную на получение уже известного результата известными же средствами, и продуктивную, творческую деятельность, связанную с выработкой новых целей соответствующих им средств или с достижением известных целей с помощью новых средств.

Наряду с гегелевским анализом рациональных компонентов целенаправленной деятельности в социальном развитии большое значение в духовной деятельности имеют ценностные установки и ориентации, мотивы, притязания и ожидания. При этом реформатор является уже не элементом социальной системы, а индивидуальной формой её выражения. Личность приобретает эти социальные качества в зависимости от своей социальной активности, структуры индивидуальных потребностей, способностей, природных особенностей и развития сознания. Социальное действие реформатора всегда содержит социальные элементы, направленные на изменение поведения других личностей (М. Вебер [11]). Локализованные во времени и пространстве конкретные акты духовно-практической социальной деятельности реформатора по преобразованию социальной ситуации соответственно потребностям и целям реформы всегда будут реализовываться посредством изменения установок, мотивации, поведения и стремлений других индивидов или социальных групп.

Таково практическое сознание личности реформатора в его первоначальном, абстрактном виде. Чем больше оно развивается, тем больше внутренних опосредований в нем возникает, тем глубже становится рефлексия социальной практики. Качественной спецификой этого является то, что основой его формирования и жизнедеятельности будет всегда социальная практика. Она будет его определять, задавать тон его функционирования.

Реформаторская деятельность дифференцируется соответственно видам ее практической деятельности. Тот или иной вид реформаторской деятельности личности выступает как опосредование соответствующего вида социальной практики так, что подсистемы практики и подсистемы духовной деятельности образуют соответствующие им социальные отношения – политические, социальные, экономические, правовые, духовные, экологические. Практическое опосредование реформаторской духовной деятельности в определенных условиях приводит к формированию идеологической системы практики с присущей ей социальными институтами. Движение идеологии в процессе её собственного развития и при трансляции на уровень массового сознания опосредует уже государ-

ство. Системность реформаторской духовной деятельности выражается в том, что здесь сознательное отражается, развиваясь на собственной основе. Новые знания целенаправленно вырабатываются при посредстве ранее полученных знаний. Предшествующие результаты детерминируют развитие, являются собственным источником развития системы реформаторского творчества как вида духовной деятельности.

Сказанное выше позволяет выделить специфику реформаторской деятельности – она есть рефлексия социальной практики, рефлексия как избирательно-целенаправленная, удерживающая внимание, сосредотачиваемая на предметно-практическом и духовно-теоретическом отношении человека к социуму. Рефлексия социальной практики двойственна по своей природе – сочетая в себе как индивидуальное, субъективное, так и объективное содержания. Хотя рефлексия реформатором социальной практики есть удерживающее внимание к содержанию своего личностного социального опыта, последнее опосредовано предшествующей интериоризацией-обучением и поэтому есть одновременно рефлексия над основаниями уже известного культурно-исторического содержания.

Реформаторство как рефлексия социальной практики раскрывает внутреннее строение и специфику жизнедеятельности социума. Результат рефлексии есть всегда концептуальное выражение социальной теории, объясняющей сущность, динамику и движущие силы социального процесса. В этом процессе рождаются идеи переустройства социальной системы согласно потребностям класса, группы, слоя, синтезированным в идеологии реформ. Уникальность сущности личности реформатора позволяет ему синтезировать этот духовно-теоретический опыт, абстрагируя узловые жизненно необходимые механизмы социальной системы. А затем воплотить его через организацию сложной структуры осуществления реформаторских идей в конкретной исторической ситуации. Реформатор выступает здесь как субъект, берущий на себя

функции мегасубъекта – человечества, в лице которого данная духовная деятельность преследует цели самосовершенствования и развития человека путем изменения социальной системы, то есть путем снятия в процессе реформирования общества различных форм негативного отчуждения.

Литература

1. Бердяев, Н. А. Pro et contra. Кн. 1 / Н. А. Бердяев. – СПб.: Аванта, 1994.
2. Бердяев, Н. А. О назначении человека / Н. А. Бердяев. – М: Наука, 1993.
3. Бердяев, Н. А. Философия свободы. Смысл творчества / Н. А. Бердяев. – М: Наука, 1989.
4. Бердяев, Н. А. Смысл истории / Н. А. Бердяев. – М: Мысль, 1990.
5. Каган, М. С. Морфологический анализ деятельности // Человеческая деятельность. (Опыт системного анализа) / М. С. Каган. – М: Наука, 1974.
6. Маркарян, Э. С. Системное исследование человеческой деятельности / Э. С. Маркарян // Вопр. филос. – 1972. – № 10.
7. Маркс, К. Капитал // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 23. В отечественных исследованиях эта структура была подробно развита в работах: Н. Н. Трубников. О категориях «цель», «средство», «результат». – М: Мысль, 1968; Б. А. Воронович. Философский анализ структуры практики. – М: Наука, 1972.
8. Федоров, Ю. М. Сумма антропологии. Кн.2. Космо-антропо-социо-природогенез Человека / Ю. М. Федоров. – Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма РАН, 1995.
9. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – М: Academia, 1990.
10. Фромм, Э. Пути из больного общества / Э. Фромм // Проблема человека в западной философии. – М: Наука, 1988.
11. Weber, M. Wirtschaft und Gesellschaft / M. Weber. – Tübingen, 1922.